

Глава 14. Ты не из тех, кто сидит спокойно

Еян Цы разделил с Цинь Шэнем скромный домашний ужин.

Жареные яйца с побегами дерезы, тушёные речные мидии с весенними побегами бамбука, суп из карася с мятой — каждое блюдо было свежим и вкусным, с ароматом полей и рек. Особенно хороша была дикая трава под названием «саочжоумяо»: её смешали с рапсовым маслом, мукой и солью, перетёрли до рассыпчатого состояния и готовили на пару в течение четверти часа. Она получилась невероятно нежной и ароматной.

Хотя еда была недурна на вкус, для высокопоставленного чиновника такой рацион казался слишком скудным. Цинь Шэнь отложил палочки.

— Ты всегда так ешь?

— Нет, — Еян Цы, допив суп, промокнул уголки губ платком. — По милости вашей, князь, мне сегодня перепало лишнее блюдо. Если вам не по вкусу простая деревенская еда, возвращайтесь в резиденцию князя Гаотан.

Цинь Шэнь ничего не ответил. Подобрал кусок лепёшки, он дочиста выскреб тарелки, не оставив ни крошки.

Взгляд Еян Цы заметно потеплел.

— Мои люди не могут досыта наесться даже лепёшками с зелёным луком, — тихо произнёс он. — Для них этот ужин был бы пиршеством. Князь, я не из тех, кто привык терпеть лишения без причины, но здесь, в Сяцзине, даже если передо мной поставят печень дракона и костный мозг феникса, у меня не будет аппетита.

Цинь Шэнь помолчал, а затем спросил:

— Двадцати тысяч лянов хватит?

— На весенний сев — вполне, — ответил Еян Цы. — Рабочих рук не хватает, казённых земель мы вспахали всего семь тысяч му, а частные ещё не до конца учли. Сажены абрикоса и шелковицы в Гаотане я уже все скупил, теперь нужно отправлять людей в Линьцин.

Судья продолжил:

— После сева предстоит ремонт городских стен и дорог, так что с деньгами будет туго. Но, к счастью, когда созреет летний урожай зерна, хлопка и фруктов, после уплаты налогов и обеспечения собственных нужд останутся излишки. Их можно будет продать и вернуть часть

средств.

Он вздохнул.

— Эх, если бы только население удвоилось. Я сверялся с «Картами рыбьей чешуи» и проводил замеры на местности. В уезде Сяцзинь одних только казённых земель можно распахать восемьдесят тысяч му. Если бы мне дали ещё десять, нет, двадцать тысяч человек...

— ...ты бы захватил весь округ Гаотан, — закончил за него Цинь Шэнь.

Еян Цы невольно рассмеялся:

— Я хочу наладить жизнь народа, а не завоевывать Поднебесную! Если ваши слова, князь, кто-нибудь услышит, сколько голов с меня снимут?

— Не волнуйся, твоя голова на месте, — Цинь Шэнь протянул ему чашку с холодной водой для полоскания рта. — Если будет излишек летнего урожая, я всё скуплю.

— В вашей резиденции вместе со слугами и стражниками едва ли наберётся несколько сотен человек. Зачем вам столько зерна?

Цинь Шэнь подпёр щеку рукой, пристально глядя на собеседника.

— Спроси ещё. Спроси меня, откуда у меня деньги на такие закупки.

Еян Цы проявил благоразумие. Он поднялся и выплеснул остатки чая в цветник под окном.

— У меня нехорошее предчувствие... Не стоило мне просить у вас помощи.

— А теперь не хочешь иметь со мной дел? Пожалел?

Еян Цы тихо рассмеялся:

— Князь, вы так сильны. Тайны, скреплённые взаимным шантажом, не так надёжны, как интересы, связанные воедино. Если я продам вам зерно, то, что бы вы с ним ни сделали, я буду в деле.

— Испугался?

— ...Нет.

Еян Цы подошёл к столу, оперся руками о край и наклонился к Цинь Шэню.

— Раз у вас, князь, есть деньги, чтобы купить, у меня хватит смелости, чтобы продать.

Цинь Шэнь сидел и смотрел на него. Его взгляд был направлен снизу вверх, но от самой фигуры исходило непоколебимое величие высоких гор и глубоких бездн.

— Еян Цы, — сказал он, — не пожалей об этом.

Тот понял, что это была не угроза, а очередная проверка и предостережение. Цинь Шэнь не хотел, чтобы юноша в будущем раскаивался.

— У меня могут быть сожаления, но я никогда не раскаиваюсь в содеянном, — спокойно ответил судья.

После короткого молчания Цинь Шэнь кивнул:

— Ты не из тех, кто сидит спокойно.

— С чего вы это взяли, князь? Я всегда придерживаюсь пути благородного мужа.

Цинь Шэнь неожиданно просунул руку под широкий рукав Еян Цы. Его пальцы скользнули по запястью, выше к предплечью, и извлекли складной веер. Князь медленно раскрыл его. Одна сторона была угольно-чёрной, другая — белоснежной. На обеих скорописью были выведены семь иероглифов, написанных резкими, размашистыми штрихами.

— «Мир не делится лишь на чёрное и белое, за пределами чёрного и белого есть иной путь». Благородный муж такого не скажет.

Судья попытался забрать веер, но Цинь Шэнь ловко отвёл руку.

— Ещё не жарко, зачем вам, князь, мой веер? Неужели это тоже древность, и вы хотите купить его за большие деньги? — Еян Цы произнёс насмешливые слова медленно, словно выдыхая их вместе с чайным паром.

— Ещё не жарко, а вы, господин Еян, зачем-то носите веер с собой весь день. Неужели, встретив кого-то по душе, вы дарите его в качестве залога? — парировал Цинь Шэнь.

— Даже если я не такой уж и благородный муж, то как вы, князь, тайком вытаскиваете вещи из чужих рукавов? Боюсь, это не соответствует этикету.

— А что не так? Господин Еян на словах заявляет, что не пожалеет, а я, чтобы он в будущем не отказался от своих слов, должен взять какой-то залог.

Они обменялись ещё парой колкостей. Когда Еян Цы пытался забрать веер, князь убирал руку, а когда тот сдавался — легонько постукивал его по локтю кончиком веера, явно провоцируя.

В конце концов Еян Цы отступил.

— Обычный веер. Если князь не хочет возвращать — пусть оставляет себе.

Цинь Шэнь и вправду не вернул, а небрежно сунул его за пазуху. Он поднялся с места.

— Где комната для гостей?

Мало того, что веер присвоил, так ещё и остаться решил. Еян Цы тихо вздохнул.

— В восточном флигеле есть две свободные комнаты. Я прикажу слугам немедленно подготовить их, подождите немного.

Он не забыл и о двух стражниках из свиты князя, которые, должно быть, уже поймали рысь, но старались не попадаться чиновнику на глаза.

Он вышел из гостиной и, подзвав Ломо, отдал распоряжения. В это время со двора быстрым шагом вошёл Цзян Оу. Подойдя к навесу, он доложил:

— Господин, у западных ворот города появились блуждающие огни. Многие жители так напуганы, что боятся даже нос из дома высунуть.

Еян Цы поднял бровь:

— Что там такое стряслось? Пойду посмотрю.

— Ох, наверное, из-за того, что в последние два дня резко потеплело, — пояснил Цзян Оу. — Крестьяне, распахивая заброшенные пустоши, снова выкопали прорву человеческих костей, жуткое зрелище... Господин, может, вам лучше не ходить? Там по-настоящему страшно.

Еян Цы обернулся к гостю:

— При нашей первой встрече, князь, вы сказали, что человек должен обладать смелостью и не бояться стука призраков в полночь. Пойдёмте посмотрим вместе?

Только тут Цзян Оу заметил высокую фигуру в дверях. Приглядевшись, он узнал князя Гаотана и уже собрался пасть ниц, но Цинь Шэнь холодно бросил:

— Встань. Я — господин Цинь.

— Понимаю, понимаю! Кня... то есть, господин, если вы с уездным судьёй пойдёте, я велю оседлать двух лошадей.

Князь кивнул:

— Привяжи их у задних ворот и можешь быть свободен.

Через четверть часа они, взяв по фонарю, выехали верхом из города и оказались в полях. От западных ворот было не больше полумили. В тёмном поле мерцали изумрудные огни призрачного пламени, медленно колыхаясь на ночном ветру. Стоило кому-нибудь пройти мимо, как потоки воздуха заставляли их роем устремляться к человеку. Выглядело это и впрямь жутковато.

Лунный свет был бледным, в ветвях сосны неподалёку зловеще каркал ворон. Путники спешили среди густого скопления огоньков, и те, словно хищные звери, бросились к ним. Еян Цы зажёл фонарь от огнива, осветив землю. Повсюду валялись выкопанные из земли кости.

Человеческие, конские... А также остатки сгнивших доспехов и обломки оружия, настолько проржавевшего, что невозможно было разобрать первоначальную форму.

— В какие времена и при каком правителе не было войн? Лишь через смуту и хаос приходит мир, — вздохнул Еян Цы. — А теперь костей в полях больше, чем земли...

— ...а они всё набирают деревенских парней в солдаты, — Цинь Шэнь положил руку на плечо Еян Цы. — Не печалься. Война закончилась более двадцати лет назад. Нынешние солдаты скоро вернутся домой.

Погруженный в свои мысли, юноша не заметил, что этот жест был слишком близким для недавних знакомых. Он даже уловил в словах спутника скрытый смысл, но не подумал убрать его ладонь со своего плеча.

— Солдаты вернутся домой? Князь имеет в виду, что на границе намечаются какие-то перемены?

Цинь Шэнь не ответил. Он чувствовал, что стоит на краю пропасти. Снова и снова опускать планку, снова и снова раскрывать тайны перед кем-то — это было опасно. Чтобы вернуться в безопасную зону, проще всего было бы заставить этого человека исчезнуть навсегда.

Но он не хотел, чтобы этот человек исчезал.

Его ладонь лежала на плече Еян Цы, рука почти касалась его спины. Согретый теплом его тела, окутанный его запахом, мужчина почувствовал, как туго натянутая струна в его сердце вдруг захотела ослабнуть.

Но разве он мог расслабиться? Кости его отца всё ещё лежали в далёких холодных землях Северной Ляо, а чёрная кровь, которой харкал его больной старший брат, всё ещё обжигала его сквозь ткань рукава. Он не должен был расслабляться, он не имел на это права.

— В конце прошлого года меня вызвали в Ляочэн, в префектуру Дунчан, чтобы поздравить второго брата с двадцатипятилетием, — внезапно заговорил Цинь Шэнь. — В тот день в Ляочэне зажгли две с половиной тысячи небесных фонарей. Золотая фольга из них разлетелась по небу, словно звёздный дождь. Это было куда величественнее, чем фейерверки в канун Нового года.

— Вам тоже нравятся такие дорогие и яркие зрелища? — спросил Еян Цы.

Цинь Шэнь повернул голову и, посмотрев на него, покачал головой:

— А разве эти призрачные огни не более поразительны, чем небесные фонари?

Тёмные фосфоресцирующие всполохи были подобны светлячкам. Ветер развеивал их, как навязчивые мысли, но стоило ему утихнуть, как они снова появлялись, словно наваждение. Еян Цы придержал волосы, но несколько прядей всё же коснулись шеи Цинь Шэня. Тот уловил аромат холодной сливы, смешанный со свежей сладостью цитруса и помело, который слегка развеял окружающую тоску.

— «Призрачные огни, подобные лаку, пятнают цветы сосны», как красиво написал Ли Чанцзи, — Цинь Шэнь протянул руку, коснулся одного из огоньков и легко сдул его. — Если у этих костей есть дух, они должны скорее истлеть, стать весенней землёй и дать этой земле колосья пшеницы, которые нужны живым.

Еян Цы, словно получив озарение, схватил руку Цинь Шэня, лежавшую у него на плече.

— Жители Сяцзиня всегда боялись и страдали из-за этих останков на полях. Завтра я найду для них решение.

Он сбросил руку князя со своего плеча и повернулся к коню.

— Князь, уже поздно. Возвращаемся в город.

<http://bllate.org/book/15875/1439179>